

В. В. Наумкин¹

МЕЖЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ДИАЛОГ И ТОЛЕРАНТНОСТЬ

Данный доклад — лишь размышления по поводу отдельных аспектов диалога, который я считаю возможным назвать межцивилизационным. Этот термин устоялся, вошел в глобальный политический лексикон и, несмотря на большую привлекательность и корректность употребления иной схемы — «одна цивилизация — много культур», вполне допустим как инструмент теоретического дискурса. Конечно, при еще более строгом подходе к терминологии и «цивилизация», и «культура» — абстракции, и в этом смысле прав академик А. А. Гусейнов, говорящий о них как о некоей «обобщенной характеристике множества эмпирических объектов», а сама «цивилизация, как и культура (если говорить о последней в значении, которое соразмерно цивилизации), не имеет субъектности, не существует как эмпирический объект»².

Взаимодействуют, действительно, не какие-то абстрактные цивилизации, а люди, являющиеся носителями различных культурно-цивилизационных ценностей. Однако идеационные мотивации и культурно-цивилизационный «фрэйминг» поступков не только индивидов, но и го-

раздо более крупных сообществ людей, таких как нации или государства, зачастую приобретают столь великую силу, что могут выступать, без преувеличения, в роли известного «двигателя истории».

Именно поэтому межцивилизационный/межкультурный диалог в нашу просвещенную, но конфликтную эпоху глобализации стал императивом. Он является важным средством преодоления отчуждения, недопонимания, враждебности между людьми, сегодня особенно опасных для судеб мира. Этот диалог является не линейной, а многомерной конструкцией, и он может быть успешным только в том случае, если будет дополнен диалогом внутрицивилизационным, спорами о сути той или иной культуры, ведущимися самими ее представителями. Как мы знаем, эти споры иногда носят более ожесточенный характер, чем споры между представителями различных культур.

Достаточно привести пример дебатов, ведущихся между мусульманскими мыслителями вокруг фундаментальных постулатов вероучения (в частности, по вопросу о понятии джихада), с самого начала своего существования допускавшего разномыслие и разнообразие мнений и толкований. Известно, что межцивилизационные отношения по линии «Запад — мир ислама» в последние годы, в первую очередь в силу политических причин, становились все более напряженными. Появлялись целые проекты, нацеленные на преодоление этого противостояния, но

¹ Руководитель Центра арабских исследований Института востоковедения РАН, заведующий кафедрой региональных проблем мировой политики МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор исторических наук, профессор.

² Гусейнов А. А. О чем мы говорим, когда говорим о диалоге цивилизаций // Диалог культур и цивилизаций в глобальном мире : VII Междунар. Лихачевские науч. чтения, 24–25 мая 2007 г. СПб., 2007. С. 57.

обреченные на невыносимые трудности действий людей, присвоивших себе право выступать от имени религий и культур (джихадизм — с одной стороны, «война против террора» — с другой).

Очевидно, что два момента являются ключевыми для успешного ведения диалога. Первый — желание и умение понять Другого, отказаться от стереотипов и мифических представлений друг о друге. Второй — готовность отказаться от насилия, навязывания своей культуры Другому, толерантность, принятие разнообразия культур как неизбежной данности мира. Коль скоро речь зашла о пресловутом джихадизме, замечу, что представление о том, что мусульмане хотят огнем и мечом распространять свою веру, как раз и является тем злым стереотипом, который требует решительного преодоления. Но для окончательного и бесповоротного преодоления стереотипов Других и о Других сначала необходимо всем — и христианам, и мусульманам — хорошо разобраться в своем собственном доме.

Отношение к иноверцам в Средневековье было непростым. Вспомним, какие небывалицы о мусульманах поначалу сочиняли христиане. То, что писали о пророке Мухаммеде, сейчас даже некорректно цитировать. Прославленный христианский богослов, святой Иоанн Дамаскин самым оскорбительным и непозволительным образом отзывался о пророке и Священной книге мусульман¹. Справедливости ради надо сказать, что мусульмане ни тогда, ни сегодня не позволяли себе подобных высказываний в адрес пророков других религий. Конечно, то была эпоха полного отсутствия взаимопонимания между двумя культурами, но арабы-мусульмане (притом что я вовсе не склонен их идеализировать — то была эпоха всеобщей жестокости, жестоким языком люди говорили с людьми и от имени религии), хотя и вышли из пустыни, все же относились к Другому с большим пониманием.

О полном нежелании узнать суть новой религии со стороны христиан свидетельствовало объяснение Константином Багрянородным² фундаментального мусульманского выражения «Аллаху Акбар»: это будто бы *Alla oia Koubar*, то есть «Бог и Афродита»³. Иначе говоря, истоковые арабийские единобожники оказывались будто бы язычниками, поклонниками Венеры. Воспоминание об этом осталось в исторической памяти. Не случайно так остроотреагировал мусульманский мир на то, что папа Бенедикт позволил себе процитировать неуважительное и в корне ошибочное высказывание жившего в XIV веке византийского императора Мануила II Палеолога в адрес ислама⁴. Конфликт удалось погасить, а ранняя эпоха невежества европейцев в отношении ислама сменилась желанием понять, а затем и адекватно оценить. Правда, впереди были еще крестовые походы и никак не изживаемое навязчивое стремление силой обратить в христианскую веру всех мусульман⁵.

Кстати, именно терпимое отношение средневековых исламских государств к иноверцам (за исключением некоторых отдельных периодов в истории халифата) стало отличительным признаком этой религии, обеспечившим ей высокую привлекательность. Иноверцы принимали ислам вовсе не под угрозой меча: достаточно сказать, что в Ибе-

рии в VIII веке, непосредственно после арабского завоевания, насчитывалось лишь несколько тысяч мусульман, а в X веке «практикующие» приверженцы мусульманства составляли уже подавляющее большинство населения⁶.

Конечно, при этом играли роль и экономические, меркантильные соображения: принятие ислама освобождало от *джизы*, специального подушного налога на *ахль аз-зимма* («людей, находящихся под покровительством»), уплата которого гарантировала полную свободу исповедовать свою религию в *дар аль-ислам* («земле ислама»). Кстати, именно этот налог, а также существовавший в отдельные периоды эпохи халифата порядок, требовавший от христиан и иудеев носить отличную от мусульманской одежду (пояс и шапочку), иногда использовались как аргументы теми, кто считал мусульманскую терпимость недостаточной, говоря о дискриминации иноверцев. Но ислам все равно превосходил в толерантности другие религии. Не случайно на территорию халифата из средневековой христианской Испании бежали жестоко преследуемые там иудеи.

Как известно, ислам сурово осуждает вероотступничество: переход из ислама в другую веру карается смертью, равно как и хула на пророка или Коран. Правда, как уже говорилось, разномыслие в средневековом мусульманском мире было удивительным. Христианство же в Средние века боролось с ересями самым жестоким образом. В 1209 году, взяв город Берзиер во Франции, крестоносцы сурово расправились с последователями секты катаров — они не без гордости докладывали папе, что перебили 15 тыс. человек. А что уж говорить о пресловутой католической инквизиции, которой, кстати, не было в православии, хотя на наших кострах, бывало, тоже жгли. Когда в 1099 году крестоносцы взяли Иерусалим, «они безжалостно убивали в сущности всех, кого находили, — и мусульман, и иудеев»⁷. Арабы в ходе своих завоеваний в отношении «людей Писания» такой жестокости не проявляли.

Хронисты пишут, что первые крестоносцы, которых вели на Святую землю фанатики-лжепроповедники, устраивали кровавую резню неверных везде, где могли. А разве нам ничего не напоминает возводимая к Августину концепция «справедливой войны», в соответствии с которой святой благословлял христиан при определенной ситуации брать в руки оружие. Вот папа Урбан и провозгласил «малый джихад» против неверных, то есть крестовый поход. Освободить Святую землю папе понадобилось почему-то через четыре с половиной века владения ею мусульманами.

Как пишет американский историк и богослов Р. Армур, вдохновитель Второго крестового похода, епископ, святой Бернар Клервоский оставлял живущим на Святой земле мусульманам лишь один выбор: обращение в христианство или смерть⁸. Понятно, почему так болезненно был воспринято уподобление экс-президентом Бушем войны в Ираке «крестовым походам». Столь же острую реакцию вызывает в мире ислама и безоговорочная поддержка Вашингтоном Израиля, оккупировавшего землю, которую арабы — и мусульмане, и христиане — считают своей, к тому же обильно политой кровью их предков еще в Средние века.

Это ничуть не оправдывает антисемитских высказываний, нередко раздающихся в мусульманских странах. Они отвратительны. Но исламофобия, поразившая, к сожалению, и некоторых наших сограждан, не менее омерзительна. Вспоминаю чувство изумления, которое возникло

¹ См.: Армур Р. Ислам и христианство: непростая история. М., 2004. Гл. 100–101 «О ересях». С. 78.

² Византийский император Константин VII Багрянородный (905–959) известен широкому кругу российских читателей как человек, ставший согласно изложенной в «Повести временных лет» версии крестным отцом святой равноапостольной княгини Ольги.

³ Meyendorf J. Byzantine Views of Islam // *Dumbarton Oaks Papers*. Washington, 1964. № 18. P. 118.

⁴ Напомним, что Бенедикт XVI выступил в Регенсбургском университете с речью, в которой процитировал это высказывание.

⁵ К примеру, политику насильственного обращения мусульман в христианство проводил папа Григорий IX.

⁶ См. об этом: Bulliet R. W. *Conversion to Islam in the Medieval Period*. Cambridge, 1979.

⁷ Runciman S. *A History of the Crusades*. Cambridge, 1968. Vol. 1: The First Crusade and the Foundation of the Kingdom of Jerusalem. P. 287; также см.: Армур Р. Указ. соч. С. 124.

⁸ Армур Р. Указ. соч. С. 116.

у меня при знакомстве с отрицательными высказываниями о палестинцах хорошо известной в нашей стране израильской писательницы Дины Рубиной. Не должен так думать «инженер человеческих душ». После таких мыслей писательские достоинства этого человека меня перестали интересовать.

Но вернемся к диалогу и толерантности как его предпосылке. Показательны дебаты вокруг самого понятия толерантности¹, которое, несмотря на свою кажущуюся этическую безупречность, вовсе не пользуется безоговорочной поддержкой со стороны религиозных деятелей различных конфессий. В современном православном дискурсе существует подозрительность, вызванная тем, что это понятие будто бы навязано извне некими враждебными православной идентичности силами, может способствовать размыванию исконных морально-нравственных ценностей и — в случае с Россией — пошатнуть ведущие позиции православия. Иначе говоря, толерантность рассматривается не как религиозно-философское понятие, а как политическая категория, отношение к которой непосредственно связано с соперничеством конфессий, обостряемым прозелитизмом некоторых направлений в них.

Проповедь толерантности не всегда находит поддержку среди части мусульманского духовенства. Приведем в пример нападки на российского ученого-исламоведа сирийского происхождения Тауфика Ибрагима, интерпретирующего основные источники исламского вероучения в духе толерантности. Особенно острую реакцию вызвало понимание ученым сути отношения ислама к христианам и иудеям и, в первую очередь, его тезис о том, что согласно Корану эти «люди Писания» могут, подобно мусульманам, достичь спасения в загробной жизни (более того, Ибрагим распространяет это утверждение частично и на атеистов). Именно этот тезис вызвал наиболее острую реакцию среди части российских мусульманских богословов, один из которых в Интернете обвинил ученого в том, что он является наймитом зарубежных антиисламских сил, поскольку сомневаться в том, что всем немусульманам уготован адский огонь, — преступление. Этот мусульманский богослов вскоре, к сожалению, сам пал жертвой религиозных фанатиков (по версии, озвученной прессой, «ваххабитов», против которых он выступал с не меньшей энергичностью, чем, как ни парадоксально, против ученого, проповедовавшего кораническую терпимость).

В отношении призывов Ибрагима реформировать ислам (а таких попыток, как известно, в истории было немало) российский богослов вынес неумолимый приговор: «Много было попыток реформировать Ислам и в Египте, и в Пакистане, и в других странах. Не прошло и полвека, как народу стали видны коварные замыслы и ядовитые клькы этих реформаторов». И совсем стандартное в таких случаях обвинение: ученый «помогает тем, кто хочет ослабить Ислам в России»². Были и прямые угрозы: если кто разгневет Аллаха, «то Всевышний сделает так, что гнев этих же людей падет на такого человека. Это послужит ему наказанием. Тауфик Ибрагим, Вам нужно осознать это, ведь никто из людей не вечен».

Нет ничего удивительного в полемике, которая разгорелась вокруг ряда наиболее непривычных тезисов Ибрагима, вроде заключения о том, что «...кораническая полемика с определенными догматами христианства и иудаизма не подтверждают тезис о фальсификации библейского текста». В ответ на это один из его критиков ссылается на южноафриканского мусульманского проповедника Дида-

та, который «грамотно показывает и доказывает, что Библия уже не является оригинальным и неизменным словом Божиим». И опять ученого, истинного знатока священных текстов и мусульманской экзегетики, обвинили во всех грехах: теперь он, оказывается, хочет привести российских мусульман «к синкретизму сирийских алавитов, которые молятся в церквях и причащаются вином»³.

Вернемся к критике концепции толерантности отдельными православными священнослужителями, которая отчасти перекликается с высказываниями вышеназванных представителей мусульманского духовенства. Девиз недавнего открытого письма епископа Пермского и Соликамского Иринарха к согражданам и местным властям региона однозначен: «Толерантность — это когда тебя выжидают из твоего дома, а ты не сопротивляешься»⁴.

Владыка Иринарх утверждает, что когда с Запада «нам пытаются навязать некую толерантность», то есть «вместо любви к ближнему как образу и подобию Божию в межнациональной сфере и вместо культивирования свободы совести в духовной сфере пытаются навязать некую терпимость», тем самым нашему народу хотят привить «приемлемость порока» и даже осуществляют «прямую экспансию против российской государственности». Епископ призвал всех православных граждан не участвовать в конференциях по толерантности, а всю родительскую ответственность — требовать запрещения уроков толерантности в школах без согласия родителей. О каком диалоге тут можно говорить!

Конечно, когда под толерантностью понимается терпимость к наркомании, моральному разложению и прочим болезням цивилизации, я склонен поддержать религиозных деятелей. В этом смысле можно по-разному толковать высказывание священника Георгия Рябых о том, что Россия «не нуждается в заимствовании, в том числе в системе образования, таких понятий, как “толерантность”»⁵. Священник справедливо обратил внимание на то, что во многих докладах и документах, «которые формируются на Западе и содержат жесткую критику России, слово “толерантность” является как раз одним из ключевых». Но повод ли это отказаться от этого важного понятия, которое мы можем понимать в таком смысле, в каком оно и должно пониматься. Вообще, вся эта полемика весьма напоминает историю с многострадальной демократией. А ведь тоже хорошее слово!

Показательно, что беспокойство по поводу нашей российской духовности выражают не только религиозные деятели, но и ученые. Приведем, к примеру, мнение экономиста А. В. Акимова, который считает, что духовность «в настоящее время утеряна или выродилась. Роль православия в качестве духовного наставника невелика, некоммерческое искусство прозябает, низок престиж знаний, если они не приносят дохода, бескорыстие рассматривается общественным сознанием как блажь или неполноценность, трудовая мотивация слаба, престиж труда невелик, если он не приносит высоких доходов, огромное количество бездомных детей при живых родителях⁶, тяжелое положение стариков при живых детях, чисто формальное социальное обеспечение, безразличие к судьбам бездомных и заключенных со стороны государства и большинства россиян оставляют мало места для иллюзий относительно высокой духовности современного российского общества»⁷.

³ Абдулхаков М. К синкретизму алавитов? Куда зовут российских мусульман Т. Ибрагим? URL: <http://www.islam.ru/pressclub/islamophobia/taufiq>.

⁴ См.: <http://www.permeparhia.ru/index.php?id=1016>

⁵ Иерей Георгий Рябых. Россия не нуждается в таких понятиях, как «толерантность». URL: <http://www.rusk.ru/newsdata.php?idar=730225>

⁶ По данным российской прессы, в результате семейного насилия в российских семьях ежегодно погибает не менее 20 тыс. детей.

⁷ Акимов А. В. Цивилизационные аспекты демографических проблем в России. М., 2006. С. 20.

¹ Используемые понятия «толерантность» и «терпимость» не идентичны: терпимость понимается здесь как качество, толерантность — как норма, категория.

² Рамазанов Курахаммад-хаджи. Кому верить : Тауфику Ибрагим или Корану? URL: <http://www.islam.ru/lib/warning/taibmi>

Иногда высказываются сомнения в целесообразности межрелигиозного диалога вообще, основанные на том, что каждая религия, естественно, потеряет смысл, если откажется от постулата о своем превосходстве над остальными. Тем не менее межрелигиозный диалог существует и постепенно становится нормой взаимодействия конфессий. Это, однако, не снижает остроты межрелигиозного противостояния, особенно в тех случаях, когда конфессиональные группы населения живут в непосредственном соприкосновении друг с другом. Даже группы, верования которых имеют репутацию терпимых, склонны в этих случаях проявлять агрессивность с применением насилия в отношении инаковерующих. Я имею в виду индуистов Индии — страны, где живет одна из самых многочисленных мусульманских общин в мире (по примерным подсчетам, не менее 150 млн человек), которые повинны в убийствах мусульман и разрушении святынь (это, естественно, не означает, что мусульмане, в свою очередь, не готовы платить индуистам той же монетой).

На мой вопрос о том, почему буддисты отдельных районов Бирмы не проявляют такой терпимости, как буддисты в некоторых других странах Юго-Восточной Азии, один из местных религиозных деятелей ответил, что дело в географической близости Индии и соответственно большим влиянием индуизма, склонного к большей жесткости к иноверам. Впрочем, и такая буддистская, да к тому же традиционно монархическая страна, как Таиланд, тоже не проявила терпимого отношения к мусульманскому населению южных провинций, что даже стало источником напряженности в отношениях между Таиландом и Малайзией, обвиненной чуть ли не в поддержке сепаратизма. Естественно, речь идет не о самой религии, а о людях, которые проявляют жестокость, совершают насильственные действия от имени религии, не имея для этого никаких оснований.

Чем же так страшна эта толерантность, если ее сторонников бьют со всех сторон? Бьют не только экстремисты, террористы и тому подобные, но и призывающие к добру священники и имамы. Как же быть тогда с диалогом — и межцивилизационным, и межрелигиозным? Конечно, священнослужители не обязательно толерантности противопоставляют нетерпимость, тем не менее найдутся люди, которые делают из атаки на толерантность именно такой вывод. Но нетерпимости и злобы в нашем обществе и так хватает. Иначе говоря, те, кто призывает к высокой моральности, как раз и бьют по морали. Может быть, дело как раз в извечном соперничестве религий? Нельзя проявлять толерантность даже к приверженцам религий, появившихся из одного и того же авраамического корня, к людям, верующим в одного Бога.

Впрочем, вопрос о том, веруют ли христиане и мусульмане в одного и того же Бога, является одним из наиболее сложных для богословия — и христианского, и мусульманского, а я не хотел бы вторгаться в богословскую сферу. Конечно, православным есть о чем беспокоиться: зона распространения ислама растет, причин тому много, и они не только демографического характера. Грустно, когда на Ближнем Востоке постепенно теряют свою христианскую идентичность традиционно христианские города Палестины Рамалла и Вифлеем, становится меньше христиан в Сирии, Ливане, Иордании. Но, может быть, как раз в этих условиях нам и нужна толерантность?

Еще больше она необходима в традиционно конфликтных отношениях между верой и неверием, религией и атеизмом, религиозностью и секуляризмом. Европа давно дала свой ответ на извечный спор между ними, сделав светский характер своей цивилизации ее краеугольным камнем. Много атеистов и в нашем обществе, где вера, к сожалению, преследовалась в течение всего совет-

ского периода нашей истории — как раз толерантности атеистической власти и не хватало. Сегодня неверие не в моде, стало непривычным открыто исповедовать атеизм, как это делает, к примеру, живущий в Санкт-Петербурге нобелевский лауреат академик Виталий Гинзбург. Однако парадокс состоит в том, что истинно верующих людей совсем немного, и уже привычно стоящие со свечами в руках в церквях руководители ведут себя вовсе не по-христиански.

Третья мировая религия — буддизм — более терпимо относится к секуляризму, чем две другие, возможно, в силу своего *нетеистического* характера. «Для того чтобы проявлять заботу о других, нам необходима определенная энергия, которую мы черпаем в любви и сострадании, — сказал духовный глава буддистов Далай-лама в выступлении перед калмыцкой диаспорой США, — это общечеловеческие ценности, которые не имеют прямого отношения к религии. Это то, что я называю “секулярной этикой”»¹. По словам Далай-ламы, для того чтобы развивать любовь в человеческом обществе (а именно это является абсолютным императивом для буддистов), можно прибегнуть к трем способам: вышеназванной «секулярной этике»; теистическим религиям (христианство, иудаизм, ислам, признающие личность Бога-творца); нетеистическим религиям (джайнизму и буддизму).

Выступая на VIII Лихачевских научных чтениях, Высокий представитель Генерального Секретаря ООН по «Альянсу цивилизаций», экс-президент Португалии Жоржи Сампайо призвал «развивать новые стратегии и принципы межкультурного и межрелигиозного диалога» и правомерно поставил ряд вопросов, касающихся взаимоотношений между обществом, государством и религией, в том числе: «Каково значение взаимоотношений между политическими доктринами, основанными на принципах демократии или религии? Как преодолеть взаимное недоверие между государственными и церковными деятелями и достичь конструктивного диалога?»².

Для адекватного ответа на подобные вопросы очевидным императивом является необходимость организовать процесс интракультурного и межкультурного глобального диалога между культурами, который бы охватывал максимально большое число участников. Ссылаясь на одного из известных авторов, разработавших теорию диалога, — Макинтайра, Хернан Лопес-Гарай пишет о его идее, «чтобы западные университеты стали живыми моделями — для общества в целом — таких совокупностей, в которых единство жизни коллективно поддерживается через развитие и сохранение традиций морального исследования»³.

Важно то, кто является субъектом межцивилизационного диалога, в котором есть и светская, и религиозная составляющие. Глобализация вносит свои коррективы в сущность и структуру диалога. В числе ученых, кто пытался концептуализировать динамику изменения конфигурации традиционных цивилизаций в современном глобализующемся мире, можно назвать, к примеру, А. И. Салицкого. Он выделяет три «вертикальные цивилизации» в современном мире: политико-идеологическую, деловую и творческую⁴.

В русле данных попыток идет дискурс, в рамках которого цивилизационный подход дополняется социаль-

¹ Текст выступления Его Святейшества Далай-ламы перед калмыцкой диаспорой США. Филадельфия, 16 июля 2008 г. URL: <http://savetibet.ru/2008/09/26>

² См.: Диалог культур и партнерство цивилизаций : VIII Междуна. Лихачевские науч. чтения, 22–23 мая 2008 г. СПб., 2008. С. 32.

³ Lopez-Garay H. Dialogue Among Civilizations : What for? // Dialogue among Civilizations. N. Y., 2005. Vol. 1 : Global Scholarly Publications. P. 247.

⁴ См.: Салицкий А. И. Размышления после Родосского форума // Восток — ORIENS. 2004. № 1. С. 173.

ным. К примеру, авторы монографии «Население и глобализация»¹ пишут о формировании всемирной «социально-демографической пирамиды глобализации». Эта пирамида включает «глобальную элиту»; глобалистскую предэли-ту; людей, вовлеченных в процесс глобализации в национальных рамках; людей с достаточно высоким уровнем жизни, получающих доходы в наименее глобализированных секторах национальной экономики; всех остальных (4,5 млрд человек), не выходящих на уровень глобализированной экономики, но опосредованно от нее зависящих.

Но надо заметить, что нынешний всемирный экономический кризис продемонстрировал столь высокую взаимозависимость экономик и социумов различных стран, что такое деление, возможно, нуждается в пересмотре. Если все же принять этот принцип пирамиды, то следует заметить, что предрасположенность к межкультурному диалогу проявляют представители ее вер-

хних слоев. В то же время это могут быть такие люди, которые адекватно представляют ценности и нормы своей культуры, а не космополитически ориентированные интеллектуалы.

Что же касается нашей страны, то особую значимость для ее судьбы имеют традиционные нормы взаимоуважения, взаимодействия, сотрудничества и сплочения, установившиеся во взаимоотношениях между различными религиями, которые исповедуют россияне. Нельзя не согласиться с мнением К. Фролова, который писал в связи с избранием нового Патриарха Московского и всея Руси: «Одновременно Патриарх может призвать к большей социальной и национальной ответственности политический класс, предложить формулу исторического прорыва России. Это формула национальной модернизации на основе традиций и свободы, помноженной на нравственную ответственность каждой личности»².

¹ Население и глобализация / под общ. ред. Н. М. Римашевской. М., 2002.

² Фролов К. Я не хочу, чтобы нашу Русь считали Русью глупой : историческая миссия Патриарха Кирилла // Политический класс. 2009. № 1 (49). С. 26.